

Studia Culturae: Вып. 2 (40): Vulnus: С.Б. Никонова. С. 140-151.

С. Б. НИКОНОВА

Доктор философских наук, доцент

Профессор кафедры философии и культурологии

Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Санкт-Петербург, Россия

ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ, ИЛИ ЧТО КАНТ МОЖЕТ НАМ СКАЗАТЬ ОБ УТКОНОСАХ¹

В данной статье автор, опираясь на книгу Умберто Эко «Кант и утконос. Очерки о языке и познании», рассматривает вопрос о смене познавательных моделей, которая произошла в Европе в Новое время, определила собой специфику проекта модерна и в наиболее отчетливом виде артикулирована в гносеологической системе И. Канта, направленной на критику метафизики. Метафизическая модель познания предполагает существование изначального схематизма, в котором познание соответствует бытию, и формируется через припоминание. Новая модель предполагает конструирование схем для эмпирического опыта и тем самым обеспечивает возможность обретения нового опыта и новых знаний, что служит основой развития эмпирической науки. В то же самое время этот познавательный прорыв оказывается оплаченным утратой веры в стабильность основ бытия и, в целом, тем, что можно, пользуясь термином М. Хайдеггера, назвать «нигилизмом». Опыт разрушения метафизики, освобождающий дорогу творчеству и узнаванию нового, можно также назвать опытом травматическим. Однако, как показывает Эко, в «Критике чистого разума» Кант не формулирует тех принципов, которые дали бы нам возможность систематизировать эмпирическое познание, различить и классифицировать повседневные вещи, а также включить в познавательную систему такую новую для европейцев XVIII века сущность как утконос. Тем не менее эти принципы можно найти в «Критике способности суждения». Эстетическая способность суждения оказывается базовой для эмпирического познания и для развития науки, несмотря на то, что в основе ее лежит чувство удовольствия, а выявляемую ею согласованность природы по эмпирическим законам можно назвать «счастливой случайностью» (Кант). Анализ эстетической способности суждения способен прояснить для нас основания того прорыва,

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ по проекту № 18-011-00570 а «Теория культурной травмы: индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф».

который производит новоевропейский принцип познания в узнавании и систематизации новых фактов. Признание эстетики главной сферой противостояния метафизике (в до-кантовском смысле этого слова) выявляет травматизм произошедшего события и становления упомянутого «европейского нигилизма». Кроме того, возможно, именно в сфере эстетики следует искать и возможности преодоления этой травмы.

Ключевые слова: Эмпирическое познание, проект модерна, изменение культурных парадигм, травматический опыт, Эко, Кант, рефлектирующая способность суждения, критика метафизики, европейский нигилизм, эстетика

S.B. NIKONOVA

DSc in Philosophy

St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences

St. Petersburg, Russia

TRAUMATIC EXPERIENCE OF EMPIRICAL KNOWLEDGE, OR WHAT KANT CAN TELL US ABOUT PLATYPUS

In this article, the author, relying on the Umberto Eco's book, "Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition", considers the question of a change in cognitive models that took place in New European culture, that determined the specifics of the modern project and that is most clearly articulated in the epistemological system of I. Kant, aimed at criticizing metaphysics. The metaphysical model of cognition assumes the existence of an initial schematism in which cognition corresponds to being and is formed through reminder. The new model involves the constructing of schemes for empirical experience and thereby provides the opportunity to gain new experience and new knowledge, which serves as the basis for the development of empirical science. At the same time, this cognitive breakthrough turns out to be paid for by the loss of faith in the stability of the foundations of being and, in general, by what, using M. Heidegger's term, can be called "nihilism". The experience of the destruction of metaphysics, which clears the way for creativity and learning new things, can also be called traumatic experience. However, as Eco shows, in *Critique of Pure Reason*, Kant does not formulate those principles that would enable us to systematize empirical knowledge, distinguish and classify everyday things, and also include in the cognitive system such an entity as a platypus, which was new to XVIII century Europeans. Nevertheless, these principles can be found in *Critique of Judgment*. The aesthetic judgment turns out to be basic for empirical cognition and for the development of science, despite the fact that it is based on a sense of pleasure and that concordance of nature according to empirical laws can be called a "happy accident" (Kant). An analysis of the aesthetic judgment is able to clarify for us the foundations of the breakthrough that produces the new European principle of cognition in recognizing and systematizing new facts. The recognition of aesthetics as the main area of opposition to metaphysics (in the pre-Kantian sense of the word) reveals the traumatism of the event and the formation of the mentioned "European nihilism". In

addition, perhaps it is in the field of aesthetics that one should look for ways to overcome this trauma.

Keywords: Empirical knowledge, Modernity, transformation of cultural paradigms, traumatic experience, Eco, Kant, reflective judgment, criticism of metaphysics, European nihilism, aesthetics

Перу итальянского мыслителя и писателя Умберто Эко, человека разностороннего и весьма остроумного, принадлежит книга с любопытным названием: «Кант и утконос», снабженная подзаголовком «Очерки о языке и познании» [1]. Действительно, это весьма объемистый том рассуждений о семиотике, философии языка и теории познания, охватывающий огромный круг литературы и проблем, из которых нас в этой статье будет интересовать лишь небольшая часть, наиболее непосредственно связанная со странной конъюнкцией, обозначенной в названии.

Какое отношение Кант имеет к утконосу? Вопрос, который, конечно же, немедленно возникает в голове читателя при виде названия книги. Но это, собственно, и есть первая фраза данного текста [1, p.1]. И далее немедленно следует ответ: «Никакого». Кант едва ли мог в общем-то даже знать об утконосах, хотя первая шкурка данного животного была привезена в Европу (а быть точнее, в Англию) за несколько лет до его смерти, вызвав легкое недоумение научной общественности и даже предположение, что она сшита из шкур нескольких разных существ. И все же едва ли эти слухи могли дойти до престарелого Канта. Так что же это? Может просто рекламный трюк для привлечения внимания?

Однако Эко определяет задачу книги таким образом:

Так о чем же эта книга? Помимо утконосов, она о кошках, собаках, мышах и лошадях, а также о стульях, тарелках, деревьях, горах и всех прочих вещах, которые мы видим каждый день, и о причинах, по каким мы способны отличить слона от броненосца (как обычно не путаем и свою жену со шляпой). Это существенная проблема, которая занимает человеческую мысль от Платона до современных когнитивистов, и которую даже Кант (как мы увидим) не только не смог решить, но даже сформулировать ее в удовлетворительных терминах. Так что мы можем представить, сколько у нас шансов [1, p.1].

В одной из рецензий на книгу сказано: Эко занимает проблема универсалий [2]. Пожалуй, это именно так: проблема соотношения между индивидуальными вещами и общими понятиями. Но как ни странно, название книги предполагает не только эту проблему, но еще и иную, которую мы можем назвать исторической, по крайней мере имеющей

отношение к *истории мировоззрений* или к смене неких значимых мыслительных парадигм. Фактически, само обращение к фигуре Канта дает указание на важную деталь: на новый принцип в отношении к познанию индивидуальных вещей, появляющийся в Новое время, структура которого достаточно детально описывается именно критической системой Канта. Словом, вывод может быть таким: Кант не встречался с утконосом, едва ли когда-либо даже слышал о нем, но у Канта, исходя из той структуры познания, которую он предлагает, не было бы проблем с восприятием или изучением утконоса, включением его в систему эмпирических понятий, в то время как они возникали даже у научной общественности того времени, и тем более были сущностно характерны для сознания предшествующих веков. Та легкость, с которой мы отличаем утконоса от других животных и прочих вещей, находим ему место среди эмпирических понятий и включаем в систему научной классификации, как ни странно, соотносима именно с гносеологической моделью Канта, но вовсе не соотносима с другими гносеологическими моделями, скажем, с платонизмом.

В целом, этот мировоззренческий сдвиг – это не совсем та проблема, которая занимает Эко. Его занимают сами способы решения гносеологической задачи, в том числе в языке, продвижение в этих способах решения, тупики и сложности, с которыми сталкивается здесь, в том числе, и кантовская мысль. Однако нам хотелось бы остановиться именно на ней и на тех причинах, которые хотя и позволяют, пожалуй, всем людям во все времена легко отличать «жену от шляпы», если конечно они не страдают нейрофизиологическим расстройством наподобие того, что описано в одноименной книге О. Сакса (имеется в виду книга «Человек, который принял жену за шляпу», к которой мы также еще вернемся [6]), но тем не менее вынуждает сталкиваться со сложностями при узнавании предметов и явлений, принципиально новых для нашего опыта, каким, например, и оказался для европейцев австралийский реликтовый зверек утконос. Кроме того, нам хотелось бы показать, что та легкость, которую мы, со времен Канта, обрели в подобных узнаваниях, оплачена достаточно большой ценой в виде чувства заброшенности и безосновности, о которых в XX веке так много говорили экзистенциалисты, в виде существенного разрыва с традицией, утраты жизненной опоры на нее, а также на веру, в виде падения авторитета религии, – и далее можно перечислять все прочие культурологические характеристики европейского «проекта модерна». Словом, легкость в узнавании безобидного утконоса можно связать с радикальной *культурной травмой*, которую Мартин Хайдеггер вслед за Ницше называет становлением «европейского нигилизма» [7]. Неужели только радикальный нигилизм может быть основой для систематического

эмпирического познания? Вот вопрос, который нам хотелось бы поставить (хотя едва ли мы можем надеяться в рамках данной статьи на него ответить).

Эко начинает вторую главу своей книги с описания встречи путешественника Марко Поло, жившего на рубеже XIII и XIV веков, с носорогом. Эко пишет: «Часто, сталкиваясь с неизвестным феноменом, мы реагируем на него путем сравнения: мы ищем такой образец, уже присутствующий в нашей внутренней энциклопедии, который бы казался более или менее подходящим для объяснения нового факта» [1, p.57]. И вот, столкнувшись в своих дальних странствиях с неким животным, обладающим телом, четырьмя ногами и рогом на голове, путешественник немедленно обнаруживает такой образец – мифического единорога, каковым немедленно и обозначает встреченное животное в своих записях. Тем не менее, эти единороги представляются ему странными, совсем не такими, как он о них прежде слышал. Эко приводит пример из его записок:

Верх головы у него как у дикого борова... Это животное уродливо на вид и грязно. И они совсем не таковы, как мы о них часто слышали в описаниях, от тех, кто говорит, что он дает себя поймать, лишь прильнув к коленям девственницы. Но я утверждаю, оно как раз противоположно тому, во что мы о нем верили [1, p.58].

Вот загвоздка: почему же все-таки Марко Поло, видя животное столь отличное от всего того, что он слышал о единорогах, даже противоположное всему этому, тем не менее опознает его именно как единорога? Похоже, лишь из-за явного бросающегося в глаза свойства: наличия одного рога на голове. И хотя увиденное животное ничуть не больше похоже на сказочного единорога, чем человек – двуногое без перьев – на ощипанного петуха, все же эта возможность подвести неизвестное существо под известный вид путем вполне платоновского *припоминания*, исходя из самой характерной черты его обобщенного образа, оказывается спасительным для познания. Пусть, как говорит Эко, это был не лучший представитель своего вида, или же, можно сказать, весьма искаженная копия того, что нам уже известно в качестве эйдоса, все же познание облегчается тем, что находит сходство и подводит новое существо под уже известное понятие. А впрочем, чего же еще ждать от этого грешного материального мира, да еще на таком отдалении от центра и света нормальной (будь то античной или же, в данном случае, христианской) цивилизации? В этих диких дальних, Богом забытых краях все известные нам формы, обычаи, традиции, устои начинают превращаться в хаос,

неудивительно, что там живут монстры, и мало ли какое существо можно встретить...

Эко говорит о различии двух познавательных моделей. Либо мы можем узнать новое встреченное нами существо только благодаря наличию в нас его внутренней схемы, которая существует даже до того, как мы его впервые увидели – что соответствует платоновской модели знания как припоминания, – либо мы можем рефлексировать над данными чувств, сравнивать их и оценивать, используя «внутреннее и тайное искусство, скрытое в основаниях человеческой души (и следовательно, наших трансцендентальных способностей)», и таким образом не выделять и узнавать, но *конструировать* схему, пригодную для узнавания этого существа [1, р.88]. При втором подходе, который указывает на кантовскую модель в противоположность платоновской, и который описан Эко уже и в приведенном пассаже не без некоторого ехидства, имеются свои сложности, разбору которых посвящена разбираемая нами книга. Но как уже говорилось, нас интересует именно тот факт, что этих подходов выделяется, по крайней мере, два, что они соответствуют разным эпохам и способам восприятия мира, что они хорошо проявляют себя именно при столкновении с новыми объектами, и что склонность ко второму из них ведет к достаточно существенному прорыву в росте, скорости и охвате в работе с эмпирическими данными. Способность узнавать и включать в свой опыт новые данные именно как *новые*, конструировать для них схемы, приводить их в систему, корректировать систему под воздействием накопления все новых и новых данных – это задача явно не для метафизического мышления, мыслящего космос стоящим на незыблемых основаниях, прекрасный и вечный, созданный по единому неизменному божественному проекту. Для прорыва в работе с эмпирическими данными требуется отказ от метафизики, отказ от представления о едином неизменном порядке космоса, ограниченного, завершенного и совершенного, требуется идея бесконечного продвижения, бесконечного узнавания. А параллельно этому развивается и способность двигаться вдаль, срывать с насиженного места и покорять новые земли. Открывается эпоха географических открытий, для которых Марко Поло был первым провозвестником – ведь, хоть и пользуясь платонической схемой, но он все же шел в дальние земли и описывал их по пути. Открывается эпоха ренессансного гуманизма, который, развивая христианскую мысль, бесконечность Бога обнаруживает в созданном по его образу и подобию человеке, так что это конечное существо оказывается теперь способным к бесконечному устремлению. Человек срывается с места, отрывается от опоры в конечном мире, устремляется вдаль ко все новому и новому знанию в порыве, который Джордано Бруно называет

«героическим энтузиазмом [3]. И наконец, Кант спокойно и аккуратно формулирует принципы нового способа познания, познания эмпирического, связывая его не со свойствами какой-то внеположной субстанции, а с внутренним схематизмом трансцендентальных способностей. После чего никакие утконосы и носороги не могут уже вызывать недоумения.

Легко ли найти бесконечность в себе? Вопрос звучит патетически. Но и ответы соответствуют ему: так, у Бруно бесконечное стремление описывается в терминах внутреннего горения, раздора, страдания, испепеляющего и одновременно окрыляющего. Уже в XX в. Александр Кожев связывает истоки новоевропейской эмпирической науки с христианским догматом о Боговоплощении, согласно которому граница между конечным и бесконечным, веками нерушимая, разрывается, так как Бог становится плотью и таким образом изменчивая плоть приобретает в себе нечто божественное и достойное познания тем методом, который прежде принадлежал лишь неизменным и вечным божественным сущностям [5].

Однако Умберто Эко волнует совсем не эта сторона вопроса, связанная с познанием нового. Как мы уже говорили, в начале книги он указывает, что его интересует познание не столько утконосов, сколько кошек, собак, стульев и всего прочего, что вполне привычно. Он полагает, что именно здесь кантовский подход, очевидно выявляющий свою действенность на примере утконоса, может кое-что нам подсказать. Ведь мы конструируем схему для собаки или стула, по которой различаем и узнаем их, тем же способом, что и для утконоса. И вот здесь оказывается, что кантовская теория познания отнюдь не сразу приходит к тому, чтобы намекнуть нам на ответ. По крайней мере, в «Критике чистого разума» Эко не находит ничего подобного. Напротив, он обнаруживает, что проблема узнавания предметов повседневного опыта, подведения их под понятия и, в конце концов, называния их теми или иными именами, оказывается чужда Канту в первой Критике [1, р.67-69]. Размышляя о структурах логического познания «на высоком уровне абстракции» [1, р.73], Кант первой Критики «не дает нам возможности для решения проблемы того, как узнать, что собака есть собака, и не объясняет даже того, что собака есть млекопитающее» [1, р.70]. Подведение под таблицу рассудочных категорий не дает нам продвинуться в этом вопросе. А вопрос состоит, в общем-то, в том, можем ли мы как-то вывести эмпирическое понятие, например, тарелки из геометрического понятия круга [1, р.81].

На самом деле, как ни странно, этот же вопрос ставится в книге, которую мы уже упоминали вслед за Эко, ибо он говорит о ней косвенным образом на первой же странице своей работы, и к которой обещали

вернуться. Это книга нейрофизиолога Оливера Сакса «Человек, который принял жену за шляпу». В заглавном эпизоде этой книги речь идет о пациенте, у которого нарушение действия некоторых центров головного мозга привело к неспособности узнавать предметы на зрительном уровне, хотя он прекрасно их видел и мог уверенно определить их форму, а также их физические и геометрические характеристики. Он мог сформировать понятие о предмете согласно всей сетке категорий рассудка, но этим дело и ограничивалось. Сакс приводит такие удивительные отрывки из их беседы:

...Я решил провести еще один, последний эксперимент. Была ранняя весна, погода стояла холодная, и я пришел в пальто и перчатках, скинув их при входе на диван. Взяв одну из перчаток, я показал ее П.

- Что это?

- Позвольте взглянуть, - попросил П. и, взяв перчатку, стал изучать ее таким же образом, как раньше геометрические фигуры.

- Непрерывная, свернутая на себя поверхность, - заявил он наконец. - И вроде бы тут имеется, - он поколебался, - пять... ну, словом... кармашков.

- Так, - подтвердил я. - Вы дали описание. А теперь скажите, что же это такое.

- Что-то вроде мешочка...

- Правильно, - сказал я, - и что же туда кладут?

- Кладут все, что влезает! - рассмеялся П. - Есть множество вариантов. Это может быть, например, кошелек для мелочи, для монет пяти разных размеров. Не исключено также...

Я прервал этот бред:

- И что, не узнаете? А вам не кажется, что туда может поместиться какая-нибудь часть вашего тела?

Лицо его не озарилось ни малейшей искрой узнавания. Никакой ребенок не смог бы усмотреть и описать «непрерывную, свернутую на себя поверхность», но даже младенец немедленно признал бы в ней знакомый, подходящий к руке предмет. П. же не признал – он не разглядел в перчатке ничего знакомого. [6, с.36]

Сакс делает вывод:

...он не мог вынести когнитивного суждения – интуитивного, личного, исчерпывающего, конкретного суждения, в котором человек выражает свое понимание, свое видение того, как вещь относится к другим вещам и к себе самой. Именно такого видения и не было у П., хотя все прочие его суждения формировались легко и адекватно [6, с.42].

И далее он продолжает:

Здесь следует подчеркнуть, что суждение является одной из самых важных наших способностей – как в философском (кантианском) смысле, так и в смысле эмпирическом и эволюционном. Животные и люди легко обходятся без «абстрактного режима восприятия», но, утратив способность распознавания, обязательно погибнут. Суждение, похоже, является первойшей из высших функций сознания [6, с.42-43].

Вот мы и вернулись к Канту. Говоря о том, что Кант не интересовался указанным им вопросом, Эко уточняет: по крайней мере до «Критики способности суждения» [1, р.69]. Потому что, как ни странно, именно в «Критике способности суждения», о которой мы знаем, что она посвящена вопросам эстетики и телеологии, этот вопрос и ставится. И именно на этот смысл суждения определенно ссылается здесь О. Сакс.

Тем удивительнее звучит, конечно, неодобрительная оценка книги Эко и ставящейся им проблемы в уже упомянутой рецензии:

Кант никогда не видел утконоса, и мог только слышать о нем в конце жизни. Но Эко поднимает вопрос о том, как бы Кант реагировал на бестию, которая не умещается в знакомые биологические категории. Я не совсем понимаю, почему этот вопрос представляется интересным. Подобно другим, Кант столкнулся бы с проблемой подгонки своего научного наследия к новому опыту. Неясно, дала ли его критическая философия определенное понимание этого процесса, или подсказала ли она ему резоны для оформления этой подгонки. На самом деле, как допускает Эко, вопрос является спекулятивным, потому что Кант почти ничего не говорил о повседневных, малого масштаба эмпирических концепциях, таких как «собака» или «стул» (или «утконос»). Он более счастлив с высокими абстрактными концепциями, таким как субстанция и время, или пространство и причинность, а ведь даже утконос есть существо во времени, занимающее пространство, твердый объект, подверженный гравитации [2].

Удивительно же она звучит потому, что «Критика способности суждения» в тексте рецензии даже не упоминается. И возможно именно потому рецензент удивлен обращением к Канту, поскольку Кант оказывается вовсе не подходящим для решения этого вопроса.

Между тем в третьей Критике Кант сам указывает на имеющийся в системе пробел и намеревается заполнить его посредством установления связи между способностью познания, описанной в первой Критике, и способностью желания, которой посвящена вторая. Хотя именно эти две способности конститутивны для познаваемого нами мира, нужна некая регулятивная способность, которая бы позволила согласовывать опыт, который рассудок подводит под абстрактные схемы, с нашими желаниями и

целеполаганием. Или так: оценивать предметы природы по законам свободы, а значит находить в объектах окружающего мира соответствие нашим целям, видеть в них целесообразность. Это обнаружение целесообразности производится на основе рефлексии о многообразии эмпирических данных при помощи суждения, конструирующего для этого многообразия общее понятие. Подобное конструирование связано с чувством удовольствия и совершенно субъективно. Оно производится посредством «свободной игры познавательных способностей». Обнаруживаемая же согласованность природы по эмпирическим законам признается Кантом «счастливой случайностью» [4, с.24].

Для Эко эта деятельность способности суждения, определенная Кантом, не является проблемой, и он, отталкиваясь от нее, движется к другим тонкостям вопросов семиотики и гносеологии. Но мы бы хотели акцентировать внимание именно на ней поскольку тот факт, что рефлектирующая способность суждения, по Канту, является ответственной за формирование эмпирических понятий, слишком часто ускользает из виду, как и связь между эстетикой, то есть учением о красоте как субъективной целесообразности, и телеологией, на основе которой строится космологическая система мира, а значит и его целостное научное описание. Чувство удовольствия и субъективная способность суждения лежат в основе обеих частей третьей Критики, а эстетика оказывается базовым уровнем для эмпирического познания. Вероятно, эта мысль настолько неприятна и чужда нашим надеждам на *объективность* науки, что интерпретаторы скорее готовы признать, что Кант что-то недодумал в своей системе и недоопределил обращение с эмпирическими понятиями, чем искать это определение в *субъективном чувстве удовольствия*. Хотя Кант пишет во введении к третьей Критике:

В самом деле, хотя от совпадения восприятий с законами по общим понятиям природы (категориям) мы отнюдь не испытываем чувство удовольствия и не можем его испытывать, поскольку рассудок непреднамеренно действует здесь необходимым образом соответственно своей природе, то, с другой стороны, обнаруженная совместимость двух или нескольких гетерогенных эмпирических законов природы под охватывающим их принципом служит основанием *очень заметного удовольствия, часто даже восхищения*, причем такого, которое не исчезает и при достаточном знакомстве с предметом. Правда, мы больше не испытываем заметного удовольствия от постижения природы и единства ее деления на роды и виды, что только и делает возможными эмпирические понятия, посредством которых мы познаем природу по ее частным законам, но в свое время это удовольствие несомненно существовало; и лишь потому, что без него не был бы возможен даже самый

обычный опыт, оно постепенно смешалось с познанием и как таковое уже не замечалось [4, с.28. Курсив наш. – *С.Н.*].

Безусловно в «Критике чистого разума» Кант уже описывал деятельность определяющей способности суждения, которая подводит предметы под понятие. Рефлектирующая способность суждения подводит разные предметы под одно и то же понятие, причем делает она это, соотнося их с нашими желаниями на основе принципа субъективной целесообразности, и вот эти желанные, включенные в мир наших целей и доставляющие нам удовольствие или неудовольствие вещи, захваченные нашей интерпретацией, нашей волей, прирученные, знакомые, становятся нашей эмпирической реальностью, наполненной собаками, кошками, стульями, тарелками, перчатками и утконосами.

То, что ранее узнавалось на основе припоминания вечного божественного эйдоса, внеположного метафизического замысла – теперь конструируется на основе нашего собственного спонтанно возникающего чувства удовольствия от субъективной целесообразности. В некотором смысле, Кант своей третьей Критикой развенчивает метафизические космологии, предписывающие миру божественный порядок, как плод наших собственных предпочтений, выдающих в итоге желаемое за действительное, а точнее, нечто субъективно сконструированное – за внеположно и извечно существующее, а свои собственные вкусы – за замысел божества.

По сути это и есть высшая форма нигилизма, которая проявляется не в гордом разрушении метафизики и религии, но в низведении возможности проникновения к божественному замыслу бытия до наших вкусовых предпочтений, до игры и случайности. Это открывает просторы для бесконечного человеческого творчества, но в то же время лишает его трансцендентной цели и смысла. Если, конечно, эти цель и смысл не рождаются вновь внутри самой сферы эстетического суждения. Фактически, эстетика как базовое применение способности суждения, оказывается в кантовской системе сферой наиболее радикальной критики и отвержения метафизики. Мы видим здесь проявление нового способа познания, а то, что связь эстетики с этим новым способом познания, обозначающим прорыв в способности к систематизации эмпирических данных, подвергается постоянному сомнению упускается и ускользает из поля зрения, свидетельствует о травматическом характере обретения этой новой модели. Когда мы всматриваемся в основания этого прорыва, мы обнаруживаем, что не объективная и мощная эмпирическая наука, но «несерьезная» игровая, субъективная, случайная, эстетическая способность суждения уничтожила метафизику. Но может ли эстетика на самом деле

встать на место метафизики и тем самым преодолеть травматический опыт нигилизма – это вопрос, так или иначе постоянно возникавший со времен Ницше и до сих пор требующий проработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eco U.* Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition / trans from Italian by A.McEwen. London, Vintage, 2000. 464 p.
2. *Блэкберн С.* Рецензия на книгу Умберто Эко «Кант и утконос» / пер. В.В.Целищева // Новосибирский государственный университет. [Электронный ресурс] URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/tselishchev_eco.htm (дата посещения: 16.09.2019)
3. *Бруно Дж.* О героическом энтузиазме / пер. с ит. Гос. изд-во Художественной литературы. М.: 1953. – 212 с.
4. *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. – Т. 5 – 414 с.
5. *Кожев А.* Христианское происхождение науки / пер. с фр. О.В.Головой // Кожев А. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2007. – С.416-428.
6. *Сакс О.* Человек, который принял жену за шляпу и другие истории из врачебной практики. СПб: Science Press, 2006.
7. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // М. Хайдеггер Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В.Библина. М.: Республика, 1993. – С. 63–176.

TRANSLIT

1. *Eco U.* Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition / trans from Italian by A.McEwen. London, Vintage, 2000. 464 p.
2. *Blekbern S.* Recenziya na knigu Umberto Eko «Kant i utkonos» / per. V.V.Celishcheva // Novosibirskij gosudarstvennyj universitet. [Elektronnyj resurs] URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/tselishchev_eco.htm (data poseshcheniya: 16.09.2019)
3. *Bruno Dzh.* O geroicheskom entuziazme / per. s it. Gos. izd-vo Hudozhestvennoj literatury. M.: 1953. – 212 s.
4. *Kant I.* Kritika sposobnosti suzhdeniya // Kant I. Sbranie sochinenij : v 8 t. / pod obshch. red. A. V. Gulygi. M.: CHORO, 1994. – T. 5 – 414 s.
5. *Kozhev A.* Hristianskoe proiskhozhdenie nauki / per. s fr. O.V.Golovoj // Kozhev A. Ateizm i drugie raboty. M.: Praksis, 2007. – S.416-428.
6. *Saks O.* CHelovek, kotoryj prinyal zhenu za shlyapu i drugie istorii iz vrachebnoj praktiki. Spb: Science Press, 2006.
7. *Hajdegger M.* Evropejskij nigilizm // M. Hajdegger Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / per. s nem. V.V.Bibihina. M.: Respublika, 1993. – S. 63–176.